

Е. В. Беспалова

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С. П. Королева (Самарский университет)

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ГИБРИДНОЙ КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В русле междисциплинарного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу художественного текста выявляются способы раскрытия форм гибридной идентичности с опорой на средства вербализации концепта ГОРОД в романе Яде Кары *Selam Berlin*. Цель исследования — проследить взаимосвязь концептов БЕРЛИН и СТАМБУЛ с аспектами гибридной культурно-этнической идентичности персонажа-мигранта на основе анализа его дискурса. Описываются средства раскрытия гибридной идентичности с городом и культурой, идентичности с социальными группами разного уровня (семьей, сверстниками-мигрантами, жителями Западного Берлина). Обосновывается способность средств вербализации урбанистических концептов выполнять в художественном дискурсе функции маркеров гибридной культурно-этнической идентичности.

Ключевые слова: урбанистический ландшафт; концепт-фрейм; гибридная идентичность; маркер идентичности; дискурс персонажа

1. Введение

Цель исследования — проследить взаимосвязь средств вербализации ландшафтных, точнее урбанистических концептов БЕРЛИН и СТАМБУЛ с рядом аспектов гибридной культурно-этнической идентичности персонажа-мигранта на основе анализа его дискурса. В ходе исследования была поставлена задача выявить единицы вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула в романе Яде Кары *Selam Berlin* и проанализировать их употребление в дискурсе персонажа с точки зрения конструкта «гибридная идентичность». Наша гипотеза состоит в том, что концепты городов, занимающих значимое место в биографии языковой личности, присутствуют в ее сознании и проявляются в ее дискурсе в виде маркеров культурно-этнической идентичности.

Феномен идентичности изучается во многих науках гуманитарного цикла: в философии, психологии, культурологии, социологии, лингвистике и т. д. В сферу рассмотрения аспектов иден-

тичности попадают такие понятия как человек, личность, социализация, самосознание, самоидентификация, социальная группа, язык, коммуникация, культура, этнос и ряд других. Приведем некоторые идеи, релевантные для рассмотрения нашего материала. Идентичность традиционно изучается с точки зрения психологии как результат психической деятельности индивида, «формирование идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения», протекающий в сознании индивида, который в ходе данного процесса оценивает себя и других «в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него» (ЭРИКСОН 1996: 30-31). Психологический подход предполагает обращение к анализу продуктов речевой деятельности человека, так как «идентичность вырабатывается в сознании субъекта в процессе накопления им социального опыта и выражается через его речь» (ЕНИНА 2010: 163). Идентичность считается «ключевым понятием в мироосмыслении человека» (ЗВОНАРЕВА 2013), «кризис идентичности» понимается как явление «нормальное для юности или ранней зрелости», но наступающее также «в период быстрых исторических перемен» (ЭРИКСОН 1996: 260). В научной литературе по лингвистике фигурирует большое разнообразие форм, типов и видов идентичности: так, например, принято различать личностную, социальную и психофизиологическую идентичность (ср. [ЛАППО 2018: 13-14]), этнокультурную идентичность (ОЗЮМЕНКО, ГОРНОСТАЕВА, БОРИСОВА 2019), территориальную и региональную идентичность (АБАШЕВА 2014). Виды идентичности могут варьировать в зависимости от характеристик группы, на фоне которой рассматривается индивид: ср. гендерная, профессиональная, национальная идентичность. По замечанию О. А. Леонтович,

«многослойность личностной идентичности, базирующаяся на сложном сочетании психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых различий, возрастает по мере включения человека в более крупные культурно-языковые сообщества» (ЛЕОНТОВИЧ 2017: 253).

В лингвистике и лингвокультурологии феномен идентичности рассматривается в контексте лингвокультурной идентичности (КРАСНЫХ 2007), структуры языковой личности (КАРАУЛОВ 2010),

создания и анализа «речевого портрета» и лингвокультурного типажа (КАРАСИК 2005; ЛУТОВИНОВА 2009), эмоционально-коммуникативной личности (ШАХОВСКИЙ 2018). В качестве вариантов реализации самоидентификационного дискурса языковой личности изучаются прямое, косвенное и скрытое описание идентичности (ЛАППО 2018), анализируются аксиологические, коммуникативные, эмоциональные, структурные компоненты идентичности, закрепленные в языке и проявляющиеся в речи (ОЗЮМЕНКО, ГОРНОСТАЕВА, БОРИСОВА 2019). В работах немецких лингвистов и литературоведов выделяются и описываются маркеры идентичности, например, диалектизмы как маркеры территориальной и социокультурной идентичности (HINDERLING 2003; EROMS 2003). В немецком языкознании изучаются проблемы изменения идентичности (OPPENRIEDER 2003), например, изменения восприятия коллективной идентичности (FIX 2003).

Творчество авторов ненемецкого происхождения, пишущих по-немецки, несомненно, интересно в аспекте изучения идентичности в силу того, что многие авторы соотносят себя и своих героев с двумя (и более) культурами, переживают состояние так называемой «открытой идентичности», стирания границы между «своим» и «чужим» (HOFMANN 2006). Для описания «двойной» идентичности мигрантов из бывшего СССР вводится термин «гибридная идентичность», рассматриваются поведенческие варианты (изолированность, полное слияние, гармоничное «вписывание») (АНОХИНА 2019). Немецко-турецкая литература в Германии существует более полувека, представлена авторами двух поколений и «считается сегодня особым литературным явлением, ставшим неотъемлемой частью немецкоязычного литературного процесса» (ПЕРФИЛЬЕВА 2020: 98). Авторы обращаются не только к темам потери родины, поисков своей идентичности и отчужденности в новом обществе, но и к темам, связанным с переживанием актуальных исторических процессов на территории Германии. Так, З. Е. Перфильева указывает на то, что «германистика до сих пор не признала и не изучала созданную немецко-турецкими писателями так называемую „литературу перелома“» (Там же: 99).

Новизна нашего исследования состоит в применении междисциплинарного когнитивно-дискурсивного подхода к анализу художественного текста романа и в обосновании способности

средств вербализации урбанистических концептов выполнять в художественном дискурсе функции маркеров гибридной культурно-этнической идентичности.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материал исследования, роман немецкой писательницы турецкого происхождения Яде Кары *Selam Berlin* (KARA 2004), получивший две литературные премии (премию Адальберта фон Шамиссо и Немецкую литературную премию за успешный дебют), можно отнести к немецко-турецкой «литературе перелома», так как ключевые события повествования и проблематика тесно связаны с падением Берлинской стены и объединением Германии, повлекшими за собой переосмысление идентичностей как немцев (Западных и Восточных) (ср. [FIX 2003]), так и турков-мигрантов, проживающих в это время на территории когда-то разделенного и вновь объединенного Берлина. Факты биографии автора (Яде Кара родилась в Турции, большую часть жизни провела за ее пределами, училась в Германии, работала в Берлине, Лондоне, Стамбуле, Гонконге, в настоящее время живет в Берлине) отчасти перекликаются с фактами биографии главного героя, что нельзя не учитывать, рассматривая литературный текст как дискурс.

Роман написан от лица главного персонажа, Хасана, молодого турка, родившегося и выросшего в Западном Берлине, закончившего школу в Стамбуле и приехавшего в момент объединения обратно в Берлин. Его наблюдения, переживания и размышления представляют собой условно-интериоризованную речь,

«когда само изображение действительности (явлений, событий, картин) дается как бы через призму восприятия героя. Лексическое наполнение [...] оказывается весьма характерным, причем в ней обязательно присутствуют разговорные интонации» (КАРАУЛОВ 2010: 34).

Мы предлагаем лингвокогнитивный метод изучения идентичности. Рассмотрение персонажа как участника дискурсивного процесса и как *эмоционально-коммуникативной личности* (далее — ЭКЛ) (ср. [ШАХОВСКИЙ 2018]) позволяет в ходе анализа обращаться к элементам пазловой структуры когнитивной матрицы его ЭКЛ, интерпретируя употребление в его речи единиц вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула.

Инструментарием анализа является концепт ГОРОД как

«особый тип концептуальной структуры — фрейм визуального типа, организованный средствами пространственной схемы часть — целое» (ТАРАСОВА 2020: 109), реализуемый в вариантах БЕРЛИН и СТАМБУЛ. Называя или описывая определенные места, относящиеся к топонимике конкретного города, участник дискурса актуализирует некий визуальный образ. Так, площади Александерплатц или Потсдамерплатц, Бранденбургские ворота или Колонна Победы активируют в сознании визуальные образы Берлина, входящие как составные части в общий концепт-фрейм города. Элементы городского ландшафта выполняют роль слотов.

На первом этап анализа мы выявляем единицы вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула, анализируем их количественное соотношение, фиксируя концептуальную выделенность значимых для персонажа объектов, эмоциональный и аксиологический фон. Далее контексты употребления единиц вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула соотносятся с композиционными фокусами повествования персонажа и когнитивными опорами понимания, ключевыми словами, структурными опорами (сильными позициями текста, например, заглавием), опорами на ситуацию порождения / восприятия текста, требующими обращения к фоновым знаниям (РОМАНОВА 2013: 170). На завершающем этапе интерпретации осмысляемых героем форм личностной и социальной идентичности учитывается модальная рамка, в которую помещаются языковые репрезентанты концепта-фрейма, метафорические модели концептуализации города, явления соположения, концептуальной интеграции, «блендинга». Выразительные средства мы рассматриваем вслед за Лаппо (2018: 20) как важный когнитивный сигнал «для определения семантики идентичности».

3. Результаты исследования, их обсуждение

3.1. Компоненты урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула

Когнитивная плотность единиц вербализации концепта-фрейма БЕРЛИН в романе гораздо выше соответствующих единиц концепта СТАМБУЛ. Наибольшую группу составляют *городские топонимы*, многократно называются городские районы (Kreuzberg), улицы и площади (die Friedrichsstraße, die Straße des 17. Juni, Kudamm, der Marx-Engels-Platz), парки (der Tiergarten),

архитектурные сооружения (das Brandenburger Tor), памятники истории и культуры (die Siegessäule, die Weltzeituhr, die Graffiti-mauer, die Gedächtniskirche), учреждения культуры (Friedrichspalast), вокзалы и станции метро (das Kottbusser Tor, der U-Bahnhof Adenauerplatz). Герой свободно ориентируется в городе, перемещается из Западной в Восточную часть. Топонимы составляют тезаурусную часть лингвокогнитивного блока структуры языковой личности персонажа (ср. КАРАУЛОВ 2010: 238; КОСТРОВА 2019: 98). Многие из единиц относятся к символам Берлина (das Brandenburger Tor, die Siegessäule, der Alexanderplatz), имеют исторические и культурные коннотации, связанные с историей ГДР (der Potsdamer Platz, der Ernst-Thälmann-Park, Brecht-Ensemble, Gorkitheater), и являются по праву прецедентных имен «точками входа» в Берлинский культурный текст (ср. [АГАПОВА 2013]). Урбанистический ландшафт представлен многочисленными номинациями городской инфраструктуры (Plätze, Straßen, Bahnhöfe, Brücken, Restaurants, Kneipen, New-York-Sandwichbar, türkische Bäckerei, Gemüseladen), номинациями зданий (Häuser, Hochhäuser, Plattenbauten), номинациями элементов природного ландшафта города (dicke hohe Bäume, ein uralter Kastanienbaum, der Himmel über Kreuzberg), номинациями единиц транспорта и техники (Autos, Trabis, schwarze Mercedes, Kräne), культурными реалиями немецкого города (Weihnachtsmarkt, Weihnachtslichter). Номинации находящихся на улицах людей включают их количественные (Massen), профессиональные (dicke Männer in Volkspolizeijacken, Meute von Fußballern, Studenten), национальные (singende und bettelnde Zigeuner, Italosänger, Türken), гендерные и социально-политические характеристики (Mädels, Punks, türkische Hausfrauen, Homos, Ökofreaks, Asylanten). Все перечисленные типы являются для героя компонентами комплексного концепта-фрейма визуального типа БЕРЛИН и имеют в его сознании определенные контуры, характерные черты, т. е. то, что он видит на улицах Берлина в тот или иной момент повествования.

Когнитивная плотность единиц вербализации концепта-фрейма СТАМБУЛ в романе невысока, группа прецедентных имен представлена лишь отдельными единицами-символами Стамбула (die Blaue Moschee, die Hagia Sophia), нарицательных имен для обозначения городской инфраструктуры немного (Is-

tanbuler Bahnhof, Moscheen in Istanbul, Tavernen, Open-Air-Kinos, Bars, Cafés), немногочисленны номинации природного ландшафта (sieben Hügel, Meer, Magnolienbäume). Номинации людей отражают густонаселенность Стамбула (zwölf Millionen Menschen), сосуществование представителей разных религий (Moslems, Christen und Juden), характерные детали традиционной одежды (Leute in Schalvar und Tschador) и социальные особенности крупных мегаполисов (Transvestiten, Nutten mit ihren Freiern).

3.2. Идентичность с Берлином и Стамбулом

Оценка городов в романе тесно связана с личностной самоидентификацией, к основным средствам выражения которой относят воспоминание, самооценку и пересмотр (ср. [ЗВОНАРЕВА 2013]). К плану воспоминаний и пересмотра в романе относятся трактовки родителей Хасана и полемика с ними, к плану самооценки и пересмотра — описания своих переживаний. Эксплицируя расхождение эмоционально-аксиологических характеристик Берлина и Стамбула в представлениях отца, в отличие от своих собственных, Хасан выражает такие аспекты самоидентификации как «я не такой как отец», «я лучше понимаю настоящее». Как у Хасана, так и у его отца прослеживаются аспекты идентичности как со Стамбулом, так и с Берлином. Под идентичностью с городом понимается психологический конструкт, «когда город является частью биографии индивида как фактор места рождения, наличия собственности, развития социальной сети взаимосвязей в городе», субъективное отношение к городской инфраструктуре (СКАЛКИН 2018: 89). Так, оценка Берлина у отца, прожившего там большую часть жизни, очень эмоциональна и отрицательна: эмоциональность передается повторением усилителя *verdammt*, раздражение вызывает климат, ландшафт, социальная среда; несвобода внутри стены метафорически переосмысливается как несвобода запертой в клетке крысы:

- (1) ... diese verdammt kalte, nasse, graue Stadt. Kein Meer, keine Berge, noch nicht einmal einen verdammt Hügell hat diese flache, platte Stadt. Die Mauer um dich herum, wie ein Rattenkäfig. Kiffer, Gestank, Hundescheiße, motzende Nachbarn... (KARA 2004: 125).

В речи Хасана присутствуют как положительные, так и отрицательные эксплицитные оценки. В примере (2) концептуальное соотношение героя и города другое; он локализует себя в центре

Берлина, причем этот центр просматривается по горизонтали, по вертикали и по оси времени, город переживается эмоционально, он буквально «теснится и напряженно работает» как внутри Хасана, так и во внешнем мире, строя новое будущее и закапывая развалины прошлого, вызывая противоречивые чувства любви и ненависти. Хасан проживает Берлин внутри и вокруг себя, что объясняется с психологической точки зрения его возрастом, так как юность — «это период, в котором индивид гораздо ближе к данному историческому моменту» (ЭРИКСОН 2010: 35).

- (2) Am Potsdamer Platz blieb ich stehen... Über mir die Lichter von Kränen und Baustellen, unter mir die Trümmer vom Weltkrieg. In mir wühlte und drängte sich diese Stadt, diese flache Stadt, die ich zugleich liebte und hasste (KARA 2004: 382).

Положительная оценка Стамбула отцом Хасана, напротив, локализуется в воспоминаниях молодости, выражается комплексом образно-выразительных средств, через метонимию («город сияющих огней») и гиперболу («город городов»), персонификацию (Одалиска):

- (3) Für Baba und Mama war Istanbul immer noch *die Stadt der glitzernden Lichter* ... Baba und Mama ... erlebten *eine magische Stadt*. Istanbul ist wie eine alt gewordene *Odaliske*, die unter ihrer faltigen Haut die Züge einer einstigen *Schönheit* trägt (Там же: 11).

Nur verdammte drei Stunden trennen dich von der *Stadt der Städte* (Там же: 125).

Полемизируя с отцом, Хасан оценивает Стамбул отрицательно; этот большой густонаселенный хаотичный город вызывает у него страх. Метафора города как когда-то красивой женщины остается и в его высказывании, но меняется функциональная составляющая: город теперь не просто свидетельство былой красоты, он пережил насилие и пытается из последних сил противостоять хаосу:

- (4) Aber dieses Istanbul gab es nicht mehr. Jetzt lebten zwölf Millionen Menschen hier... Es war *chaotisch*. Es war *ätzend*, hier zu leben. Ich konnte nie in Ruhe durch die Straßen spazieren gehen, ohne Angst zu haben, dass ich überfahren, überrumpelt werde... Diese Stadt war wie eine *vergewaltigte Matresse*, die dem ganzen Chaos mit letzter Kraft und Schönheit zu trotzen versuchte (Там же: 11-12).

Хасан, понимая социальное неравенство и особенности турецко-немецкого туристического бизнеса, делает сознательный

выбор против того, чтобы жить и работать в Стамбуле, возглавляя туристическое бюро:

- (5) Ich stellte mir vor, wie ich Touristen vom Flughafen abhole und sie dann durch *die Hagia Sophia* und *die Blaue Moschee* führe. Und wenn eine Touristin mich anmacht, würde ich mit ihr auf ihr Zimmer gehen. Das war oft *die Routine* für *Jungs im Reisegeschäft*... Doch jetzt fand ich es *zu platt, zu öde* (Там же: 17).

Знаковые здания Стамбула в отрывке — его культурные символы — противопоставлены практике оказания сексуальных услуг; здесь мы наблюдаем идентичность героя со знаком минус, он не хочет быть участником этого.

3.3. Берлин и Стамбул и формы персональной и социально-групповой идентичности в композиционных фокусах повествования

Выделенные нами в ходе анализа композиционные фокусы повествования — начало и концовка, сцены переживания героем «падения» и разрушения Берлинской стены, любовные переживания, знакомство со второй женой отца и сводным братом — являются одновременно точками переосмысления героем своей культурно-этнической идентичности. Элементы урбанистического ландшафта, служащие фоном событий, средствами оценки и формами эмоциональной привязки, помогают герою в этом осмыслении, выполняют функции маркеров идентичности. Гибридная идентичность персонажа проявляется на уровне нации, семьи, городов (Стамбула, Западного и Восточного Берлина), культур. Проанализируем динамику следующих форм персональной и социально-групповой идентичности персонажа: «я — турок и немец», «я — член турецко-немецкой семьи», «я — турок, житель Кройцберга», «я — турок, житель Западного Берлина», «я — турок, житель Берлина», «я — гражданин мира».

3.3.1. Турок и немец: топонимическая соотнесенность имени и сознательный выбор идентичности

В начале романа и в его заглавии прослеживаются в эксплицитной и косвенной форме указания на «гибридную идентичность» героя. Так, название — это по форме приветственная реплика, составленная из лексемы *Selam* (*Wohlbefinden, Heil*, в арабском *Friede*) (WANRIG 2007: 904) и названия города *Berlin*. Мы рассматриваем единицу *Selam* в данном контексте как лексический личностный индекс главного героя, свидетельствующий о его происхождении и готовности акцентировать свою

идентичность (ср. [КАРАСИК 2004: 15-16]). В первых строках герой еще несколько раз затрагивает вопрос своей личностной идентичности, соотнося ее с концептами БЕРЛИН и СТАМБУЛ:

(6) Mein Name ist Hasan Kazan. *In Berlin* nennen mich einige Leute „Hansi“, obwohl meine Eltern mir den schönen Namen Hasan Selim Khan gegeben haben...

Meine Eltern konnten ... nicht ahnen, dass uns Jahre später die Leute *Kanacken hier* und *Almancis dort* nennen würden. ... Egal, ich war, wie ich war. *Ich war ein Kreuzberger...* (KARA 2004: 5)

Противопоставление полного звучного турецкого личного имени и пренебрежительного *Hansi* маркирует принадлежность в Берлине к менее уважаемой социальной группе, существование в обоих дискурсах — немецком и турецком специальных обозначений *Kanacken* и *Almancis* актуализирует дискурсивные структуры восприятия себя как немца в Турции и как турка в Германии. Чтобы «сгладить» остроту вопроса, Хасан использует тактику перехода на уровень меньшей региональной группы, определяя себя не по национальности, а по району города, месту своего рождения (Kreuzberger).

Рассуждая о предпосылках «кризиса идентичности», Эрик-сон пишет:

«нельзя отделить ‘кризис идентичности’ отдельного человека от современных ему исторических кризисов, поскольку они помогают понять друг друга и действительно взаимосвязаны» (ЭРИКСОН 1996: 32).

Так события объединения Германии становятся точкой изменения идентичности героя: толчком к решению Хасана вернуться из Стамбула в Берлин явились телевизионные кадры падения стены:

(7) *Trabis* fahren durch den Grenzübergang Bornholmerstraße nach Westberlin... *Dicke Männer in Volkspolizei-Jacken umarmten und klopfen sich auf den Rücken. Sie wischten sich Tränen aus den Augen und waren so herzlich wie die Männer am Istanbuler Bahnhof... Glückliche, fröhliche Leute am Café Kranzler. Massen an der Mauer; auf der Mauer; auf meiner Graffitimauer...* Plötzlich standen Straßen, Plätze, Orte meiner Kindheit im Interesse des Weltgeschehens... *Ich wollte voll in die Berlin-Party miteinsteigen und alles mitmachen. Es gab nichts, was mich noch in Istanbul hielt... Ich hatte genug... von den dreckigen Straßen und neugierigen Leuten hier... Mein Entschluss stand fest* (KARA 2004: 8-9).

В приведенном отрывке многочисленные детали городского ландшафта Берлина иллюстрируют ключевой момент истории города, что проявляется в назывании реалий того времени, эмоциональном настрое множества людей. Проявление сердечности жителей Берлина заставляет Хасана воспринимать их как «родных» через сравнение с соотечественниками (*wie die Männer am Istanbul-er Bahnhof*). Фрейм вокзала актуализирует связь с типичными стереотипными ситуациями проводов и встреч, что символизирует встречу Востока и Запада после разлуки. Другим толчком к идентификации является узнавание улиц и стены как локаций своего детства, элементов «идентичности с городом». События осмысливаются Хасаном как праздник (*Berlin-Party*), в котором он непременно хочет участвовать. Компоненты городского ландшафта Стамбула (*dreckige Straßen und neugierige Leute*) противопоставлены Берлину, Хасан отчетливо осознает, что хочет принадлежать к Берлину и стать частью его истории. В этом проявляется транскультурное эмоциональное позиционирование героя, признающего город своих предков частью себя, но делающего сознательный выбор в пользу второй родины (ср. [ЯДЧЕНКО 2019]).

3.3.2. Турецко-немецкая семья: урбанистические эмоциональные метафоры и сравнения

Семья является одной из базовых ценностей турецкой культуры, дискурсивная структура «мы — турецкая семья» реализуется на первых страницах романа. Описывая своих родителей в момент, когда они узнают о падении Берлинской стены, герой использует образное сравнение с воинами османского султаната, соотнося этот образ с элементом ландшафта Стамбула, расположенным в центре города дворцом Топкапи, являвшимся до середины XIX в. главным дворцом Османской империи, ставшего ныне музеем, хранящим главные мусульманские святыни, меч и плащ пророка Мухаммеда:

(8) *Wie starre Janitscharen im Topkapi-Palast von Istanbul saßen meine Eltern immer noch vor dem Fernseher* (KARA 2004: 6).

В сюжете романа происходит удвоение семьи Хасана: после падения стены он знакомится со второй женой отца Розой, немкой по происхождению и своим сводным братом Адемом. Собираясь вместе с отцом навестить их в Восточном Берлине, Хасан не решается сказать о предстоящем визите матери, гиперболизируя интенсивность ее гнева, тем самым проблемы семьи осмыс-

ливаются в категориях масштабной катастрофы, способной пошатнуть фундамент Берлина:

- (9) *Мама würde so einen Schrei ausstoßen, dass der asiatische Kontinent auf Europa prallte und ein Jahrtausendbeben Berlin in Fundamenten erschütterte* (Там же: 310).

В характеристиках Розы Хасан использует элементы городского ландшафта Берлина и Стамбула. Так, иронизируя по поводу свойственной Розе и нетипичной для турецких женщин предпринимательской энергии, стремления организовать бизнес по-своему и уверенности в своей правоте, он соотносит их с силами, способными «перекроить» Красную Ратушу в центре Берлина (9). Ассоциация с Красной Ратушей не случайна и маркирует конкретный момент действия в романе. В этом большом историческом здании красного кирпича, одном из архитектурных памятников центра Берлина, до объединения размещались Берлинское городское представительное собрание и магистрат Восточного Берлина ГДР, а с 1 октября 1991 г. — это резиденция правительства объединенной земли Берлин. Момент действия романа совпадает со сменой политической власти.

- (10) *Rosa hatte Power, damit hätte sie sogar das Rote Rathaus umkremeln können* (Там же: 335).

Гибридная идентичность персонажа в приведенных характеристиках проявляется в использовании в дискурсе архитектурных и культурных символов городов и культур в качестве эмоциональных средств образности. Переносное употребление языкового элемента обуславливает «образный характер и эмоциональную насыщенность, а значит — его принадлежность к тезаурусному уровню» (ЛАППО 2018: 20), к тезаурусу Хасана в равной степени принадлежат номинации, связанные как с Берлином, так и со Стамбулом.

3.3.3. Турок, житель Кройцберга, Западного Берлина, объединенного Берлина

В дискурсе о своем родном районе Кройцберге Хасан одновременно реализует элементы немецкого и турецкого фразеологического тезауруса, так он описывает наиболее оживленный перекресток (*Kreuzung Adalbert-Oranienstraße*) образно-метафорически как «сердце Кройцберга» (*Herz Kreuzbergs*), употребляет устойчивое выражение *Dreh- und Angelpunkt* «Ort, an dem sich etw.

konzentriert oder entscheidet» (DWDS) и приводит турецкую поговорку, синтаксическая структура которой формулирована по-английски «Where is *Hareket*, there is *Bereket*» (Wo Aktion ist, ist auch Profit) (KARA 2004: 24).

Динамика групповой идентичности Хасана с жителями Западного Берлина, наблюдающими изменения в своем городе, прослеживается в воспоминаниях детства, и размышлениях, сопровождающих события объединения. К периоду детства относится идентичность с другими подростками, живущими на той же улице (ich mit einigen Jungs aus unserer Straße), для которых стена была просто частью повседневного мира, местом для игр (Für mich war die Mauer ein Spielplatz) и катания на велосипеде (führen wir mit unseren Bonanza Fahrrädern um die Wette immer an der Mauer entlang). С падением стены связано переосмысление ее значения (ein historisches Ereignis; ein Weltgeschehen), для жителей Берлина эта точка нового осознания идентичности как западных, так и восточных немцев, и жителей объединенного города (ср. [FIX 2003]). Хасан эмоционально переживает историческое событие, современником которого стал:

(11) *Checkpoint Charlie* war meine erste Station. Hier war was los... hier war *Action*, hier war *Revolution*, hier war ein *Taifun* losgebrochen. Niemand konnte ihn stoppen...Es war *alles echt, alles pur, alles frei* (KARA 2004: 45-46).

Чекпойнт Чарли (КПП Чарли), долгие годы бывший точкой перехода из Западного Берлина в Восточный, совершенно преобразился. Героя переполняют ощущения масштаба события, которое он метафорически сравнивает с тайфуном и принимает его полностью, что подчеркивается повтором *alles* и положительными коннотациями лексем *echt, pur, frei*.

За открытием границ следует уничтожение стены, которое воспринимается уже не однозначно. С одной стороны, герой сравнивает работы строителей, разрушающих стену, с вывозом мусора:

So als wäre gerade die Müllabfuhr dagewesen und hätte alles mitgenommen, den Mist von dreißig, vierzig Jahren (Там же: 305);

с другой, — как житель города, для которого стена была частью биографии, Хасан испытывает раздражение и гнев:

(12) Ich dachte an die Zeit, als wir nachts Dosen leer sprühten. *Träume, Visionen, Stimmungen* an der *Mauer* entwarfen. Jetzt rissen sie sie ein-

fach ab. Ich fand es Scheiße, dass *diese lange Leinwand* einfach verschwand. Schließlich war sie ein *Teil unserer Straße* (Там же).

В сценах интенсивного переживания любви к Коре Хасан вступает в мысленный диалог с поэтами уличных граффити и тем самым в диалог с городом:

(13) *In der Nähe vom Brandenburger Tor blieb ich stehen... Vor uns Baustelle, Mauerreste mit zerschlagenen Graffiti. Auf einem Betonblock stand ein Gedicht*

Die Küsse der Liebenden machen mir keine Angst...

Diese Nacht würde mir *einen neuen Namen* geben.

O ja, Cora würde mir *einen neuen Namen* geben... (Там же: 268).

В своей любви он думает обрести некую новую идентичность, получить «новое имя». Отражение своих мыслей он находит у неизвестного поэта, строки которого тоже через некоторое время исчезнут с улиц города.

В поисках работы Хасан получает роль в фильме о Берлине, в котором по иронии судьбы вместе со сводным братом играет молодого турецкого преступника. Он помогает режиссеру Вольфу, приехавшему из бывшей Восточной части Германии, в поисках мест для съемок криминальных сцен. В диалоге в Вольфом Хасан проявляет идентичность с Западным немцем, более осведомленным об истории города. Показывая Вольфу один из районов Кройцберга, Хасан упоминает так называемый *Volle Geschäft*, удивляясь, что для Вольфа ни название магазина, ни дата 1 мая 1987 г. ничего не говорят:

(14) — *Erster Mai 87, Randal, sagt dir das nichts?*

— Erster Mai, — wiederholte Wolf, — da fahre ich immer an die Nordsee. Auf Sylt...

Alle Welt wusste, was am ersten Mai passiert. Hier war action! Hier flogen Pflastersteine im hohen Bogen; hier klirrten Scheiben; Wasserwerfer und Sirenen waren im Einsatz, und er fuhr nach Sylt. Ha! (Там же: 240).

Отсутствие в когнитивном опыте Вольфа соответствующей информации объясняется разными трактовками событий в СМИ Востока и Запада, следствием стал тот факт, что некоторые названия вместе с их символическими значениями восточным немцам приходилось «узнавать заново».

«Auch Namen von Straßen und Schulen, mit ihrer symbolischen Bedeutung und ihrem Angebot zur Identifikation mit ihnen und dem, was sie symbolisieren ...» (THIM-MABREY 2003: 11).

Другой аспект идентичности Хасана с жителями Берлина и представителями немецкой культуры раскрывается в его внутреннем диалоге с самим собой:

- (15) *Auf der anderen Seite der Brücke, die Maafenstraße — Winterfeldplatz... Hier war alles absolut in... Ey Alter, durch diese Straßen ging zu einer anderen Zeit Erwin Piscator zum Metropol-Theater nebenan. Brecht, Fallada und Robert Musil haben hier gelebt und gearbeitet... Hier war schon immer eine Szene gewesen. Immer!* (KARA 2004: 195).

Городская топонимика для него в этом отрывке — вход в Берлинский культурный текст. Интенсивность и эмоциональность переживания чувства причастности к великим людям, которые ходили по этим же улицам, здесь жили и работали, подчеркивается синтаксическими и лексическими повторами в высказываниях *Hier war alles absolut in; Hier war schon immer eine Szene gewesen*, усилением *absolut*.

3.3.4. Гражданин мира

На последних страницах романа герой ощущает себя «гражданином мира», «кочевником», желающим уехать прочь из знакомых мест. Перечисление городов и городских реалий выстроено по линии Запад — Восток и не привязано ни к национальности, ни к культуре. Здесь реализуется дискурсивная структура «открытой» идентичности, герой сознательно отказывается от каких-либо задаваемых той или иной формой рамок.

- (16) *Der Nomade in mir trieb mich zu neuen Orten, Plätzen, Städten und Straßen. Ich wollte weiter nach Westen, nach London, New York, San Francisco oder nach Osten? Nach Tokio, Teheran, Taschkent. Flughäfen, Bahnhöfe, Hotelzimmer. Nicht hier, nicht da. Einfach fort sein. Ja, das wollte ich, hey, ho, let's go!* (Там же: 382).

Для него важны здесь свобода выбора и возможность устремиться к чему-то новому.

4. Заключение и выводы

В ходе исследования удалось выявить комплекс средств вербализации урбанистического ландшафта Берлина и Стамбула и проанализировать на основании контекстов их употребления следующие аспекты идентичности: 1) динамику персональной идентичности индивида (я — это...); 2) динамику групповой идентичности индивида (мы — это...); 3) психолого-поведенческие тактики принятия / непринятия того или иного вида идентичности (я — (не) есть X); 4) ключевые моменты осмысления и переосмысле-

ния идентичности (я считал себя X, теперь я — Y) ; 5) виды отражения в речи осознания идентичности (описание, диалог); 6) маркеры «интериоризации» героем единиц вербализации урбанистического ландшафта.

В аспекте интерпретации проявленной в речи культурно-этнической идентичности имена собственные — топонимы — рассматриваются как «входы» или «маркеры» идентичности разных видов: идентичности с городом, понимаемой как включение города в часть биографии и формирование субъективного отношения к нему, идентичности с социальной группой разного уровня (семьей, сверстниками-мигрантами, жителями Западного Берлина).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Абашева М. П., Серина А. И. Точки входа: города Урала в «Антологии уральской поэзии» // Вестник ЧелГУ. 2014. № 23 (352). С. 115—120. [Abasheva, Marina P., & Serina, Anastasiya I. (2014) *Tochki vkhoda: goroda Urala v "Antologii ural'skoi poezii"* (Entry Points: the Cities of the Urals in the "Anthology of Urals poetry"). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 23 (352), 115—120. (In Russian)].
- Агапова А. В., Мамонова Е. Ю. Берлин как текст в немецкой и русской лингвокультурах // Индустрия перевода. 2013. № 1. С. 306—312. [Agarova, Aleksandra V., & Mamonova, Yelena Yu. (2013) *Berlin kak tekst v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* (Berlin as a Text in German and Russian Linguistic Cultures). *Industriya perevoda* (Industry of Translation), 1, 306—312. (In Russian)].
- Анохина А. А. Поиск идентичности в немецкой прозе мигрантов бывшего СССР (рубеж XX — XXI веков): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Калининград: Балтийский федер. ун-т им. Иммануила Канта, 2019. [Anokhina, Anastasiya A. (2019) *Poisk identichnosti v nemetskoj proze migrantov byvshego SSSR (rubezh XX — XXI vekov)* (The Search for Identity in the German Prose by Migrants of the Former USSR (the Turn of the 20th — 21th Centuries). PhD thesis in Philology. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. (In Russian)].
- Енина Л. В. Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход // Известия Уральского федер. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. Т. 81. № 4. С. 162—168. [Yenina, Lidiya V. (2010) *Identichnost' v lingvisticheskikh issledovaniyakh: kognitivnyy podkhod* (Identity in Linguistic Research: A Cognitive Approach). *Izvestia. Ural Federal University Journal*, Series 1: Issues in Education, Science and Culture, Vol. 81, 4, 162—168. (In Russian)].
- Звонарева Ю. В. Лингвистические средства идентификации личности в

- литературной автобиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2013. [Zvonareva, Yuliya V. (2013) *Lingvisticheskiye sredstva identifikatsii lichnosti v literaturnoy avtobiografii* (Linguistic Means of Personal Identification in Literary Autobiography). PhD thesis in Philology. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russian)].
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. [Karasik, Vladimir I. (2004) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25—62. [Karasik, Vladimir I. (2005) Lingvokul'turnyy tipazh "russkii intelligent" (Linguocultural Type "Russian intellectual"). In Karasik, Vladimir I. (ed.) *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi* (Axiological Linguistics: Linguocultural Types). Volgograd: Paradigma, 25—62. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. [Karaulov, Yuriy N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: LKI. (In Russian)].
- Кострова О. А. Концептуальное представление среды обитания в локальных историях из Людвигсбурга // Поволжский педагогический вестник. 2019. Т. 7. № 4 (25). С. 96—102. [Kostrova, Olga A. (2019) Kontseptual'noye predstavleniye sredy obitaniya v lokal'nykh istoriyakh iz Lyudvigsburga (Conceptual Representation of the Habitat in Local Stories from Ludwigsburg). *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik* (Volga Pedagogical Bulletin), Vol. 7, 4 (25), 96—102. (In Russian)].
- Красных В. В. Лингвокультурная идентичность Homo Loquens // МИРС. 2007. № 4. С. 11—15. [Krasnykh, Viktoriya V. (2007) Lingvokul'turnaya identichnost' Homo Loquens (Linguocultural Identity of Homo Loquens). *The World of Russian Word* (The Scholarly and Methodological Journal), 4, 11—15. (In Russian)].
- Лаппо М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2018. [Lappo, Marina A. (2018) *Samoidentifikatsionnyy diskurs russkoy elitarnoy yazykovoy lichnosti* (Self-identification Discourse of Russian Elite Linguistic Personality). Advanced PhD thesis in Philology. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. (In Russian)].
- Леонтович О. А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика.

2017. Т. 21. № 2. С. 247—259. [Leontovich, Olga A. (2017) «Zerkalo, v kotorom kazhdyu pokazuyayet svoy lik»: diskursivnoye konstruirovaniye identichnostey (“A Mirror in which Everyone Displays their Image”: Identity Construction in Discourse). *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 247—259. (In Russian)].
- Лутовинаова О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Уч. зап. ЗабГУ. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3 (Электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 02.02.2021). [Lutovinova, Olga V. (2009) “Lingvokul’turnyy tipazh” v ryadu smezhnykh ponyatiy, ispol’zuemykh dlya issledovaniya yazykovoy lichnosti (“Linguocultural Type” in the Row of Allied Concepts Used for Linguistic Personality Research). *Scientific Notes of the Transbaikal State University, Series: Filologiya, istoriya, vostokovedeniye* (Philology, History, Oriental Studies), 3. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-tipazh-v-ryadu-smezhnyh-ponyatiy-ispolzuemyh-dlya-issledovaniya-yazykovoy-lichnosti>. (In Russian)].
- Озюменко В. И., Горностаева А. А., Борисова А. С. Идентичность в современных лингвистических исследованиях // Cuadernos de Rusística Española. 2019. № 15. С. 87—99. [Ozyumenko, Vladimir I.; Gornostayeva, Anna A., & Borisova, Anna S. (2019) Identichnost’ v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh (Identity in Contemporary Linguistic Studies). *Cuadernos de Rusística Española*, 15, 87—99. (In Russian)]. doi: <https://doi.org/10.30827/CRE.V15I0.11259>.
- Перфильева З. Е. Основные тенденции немецко-турецкой литературы Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 5. С. 97—102. [Perfilyeva, Zinaida Ye. (2020) Osnovnyye tendentsii nemetsko-turetskoy literatury Germanii (Basic Trends of Turkish Immigration Literature in Germany). *Philology. Theory & Practice*, 5, 97—102. (In Russian)]. doi: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.5.19>
- Романова Т. В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. № 1. С. 170—181. [Romanova, Tatyana V. (2013) Kognitivnyy analiz teksta: rabota nad metodologicheskimi oshibkami (Cognitive Analysis of Text: Working on Methodological Mistakes). *Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty izucheniya rechevoy deyatel’nosti* (Theoretical and Applied Aspects of Speech Activity Study), 1, 170—181. (In Russian)].

- Скалкин А. А. Архитектурная идентичность города: понятие и методология исследования // Архитектура и современные информационные технологии. 2018. № 2 (43). С. 87—97. [Skalkin, Artem A. (2018) Arkhitekturnaya identichnost' goroda: ponyatiye i metodologiya issledovaniya (Architectural Identity of the City: Concept and Research Methods). *Architecture and Modern Information Technologies*, 2 (43), 87—97. (In Russian)].
- Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. М.: ИНФРА-М, 2020. [Tarasova, Irina A. (2020) *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody* (Cognitive Poetics: Subject, Terminology, Methods). Moscow: INFRA-M. (In Russian)].
- Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 54—79. [Shakhovskiy, Viktor I. (2018) Kognitivnaya matritsa emotsional'no-kommunikativnoy lichnosti (Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality). *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 54—79. (In Russian)]. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79.
- Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс. 1996. [Erikson, Erik H. (1996) *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress Publishers. (In Russian)].
- Ядченко Е. И. Дискурсивный конструкт «гибридная идентичность турецких мигрантов в Германии»: реконструкция и описание // Беларусь в современном мире. Материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та. Минск: БГУ. 2019. С. 494—499. [Yadchenko, Yekaterina I. (2019) Diskursivnyy konstrukt “gibridnaya identichnost' turetskikh migrantov v Germanii”: rekonstruktsiya i opisaniye (Discourse Construction “Hybrid Identity of Turkish Migrants in Germany”: Reconstruction and Description). *Belarus' v sovremennom mire. Materialy konferentsii* (Belarus in the Modern World. Conference Papers). Minsk: Belarus State University, 494—499. (In Russian)].
- DWDS — *Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*. (2021, January 20) Retrieved from <https://www.dwds.de>.
- Eroms, Hans-Werner. (2003) Identität durch Sprache in der neuen deutschen Literatur. In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 137—154.
- Fix, Ulla. (2003) Identität durch Sprache — eine nachträgliche Konstruktion? In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 107—124.
- Hofmann, Michael. (2006) *Interkulturelle Literaturwissenschaft. Eine Einfüh-*

- rung. Paderborn: Wilhelm Fink Verlag.
- Hinderling, Robert. (2003) *Wej mir sog'n*. Sprache und Identität des Mundartsprechers in Nordostbayern. Erfahrungen bei der Erhebung des Materials für den Sprachatlas von Nordostbayern. In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 125—136.
- Kara, Yade. (2004) *Selam Berlin*. Zürich: Diogenes Verlag AG.
- Nübing, Damaris; Fahlbusch, Fabian, & Heuser, Rita. (2012) *Namen. Eine Einführung in die Onomastik*. Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag.
- Oppenrieder, Wilhelm, & Thurmair, Maria. (2003) Sprachidentität im Kontext der Mehrsprachigkeit. In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 39—60.
- Thim-Mabrey, Christiane. (2003) Sprachidentität — Identität durch Sprache. Ein Problemaufriss aus sprachwissenschaftlicher Sicht. In Janich, Nina, & Thim-Mabrey, Christiane. (eds) *Sprachidentität — Identität durch Sprache*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1—18.
- Wahrig-Burfeind, Renate. (2007) *Fremdwörterlexikon*. Gütersloh; München: Wissen Media Verlag GMBH.

Yekaterina V. Bepalova
Samara National Research University
named after Academician S. P. Korolev (Samara University)

Urban Landscape as a Means of Creating the Hybrid Cultural and Ethnic Identity

In the mainstream of an interdisciplinary cognitive-discursive approach to the analysis of a fictional text, the author identifies the ways of revealing forms of hybrid identity based on verbalization means of the conceptual structure CITY in the novel *Selam Berlin* by Yade Kara. The aim of the study is to trace the relationship between the conceptual structures of BERLIN and ISTANBUL with aspects of the hybrid cultural and ethnic identity of the migrant character based on his discourse. The author discovers many means that show different aspects of character's hybrid identity with two cities and two cultures and his identity with social groups of different levels (family, migrant peers, residents of West Berlin). The article subsumes the means of verbalizing urbanistic conceptual structures as markers of hybrid cultural and ethnic identity.

Keywords: urban landscape; concept-frame; hybrid identity; identity marker; character's discourse